

УДК 101.1

С. А. АЗАРЕНКО

Доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ТОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

В настоящей работе мы рассматриваем такое направление социальной философии, как социальная топология, которую мы разрабатываем вот уже более двадцати лет. В эпицентре нашего анализа введенные нами понятия «топологемы» и «бытия-в-коммуникации». «Топологемы» возникают в ходе «бытия-в-коммуникации». Скрепляющим элементом этого процесса являются телесные взаимодействия, происходящие в логике «телесности-местности-совместности». Мы анализируем, как в настоящее время эти социально-топологические понятия обогащаются исследованиями из области «восходящей онтологии» и энактивизма.

Ключевые слова: социальная топология, телесность, бытие-в-коммуникация, топологемы, «восходящая онтология», энактивизм

AZARENKO S. A.

PROSPECTS FOR A SOCIAL-TOPOLOGICAL APPROACH IN SOCIAL SCIENCES

In this work, we consider such a direction of social philosophy as social topology, which we have been developing for more than twenty years. At the epicenter of our analysis are the concepts of “opologeme” and “being-in-communication” that we introduced. “Topologemes” arise in the course of “being-in-communication”. The binding element of this process is bodily interactions that occur in the logic of “corporality-locality-togetherness”. We analyze how these socio-topological concepts are currently being enriched by research from the field of bottom-up ontology and enactivism.

Keywords: social topology, corporeality, being-in-communication, topologemes, “ascending ontology”, enactivism

Теоретической основой нашего социально-топологического подхода являются следующие мыслители – Э. Гуссерль, М. Хайдеггер,

М. Бахтин, М. Мерло-Понти, Ж. Делёз, Я. фон Икскюль, Ж.-Л. Нанси, Б. Латур, А. Ноэ, М. Деланда и др. которые использовали для выражения отдельного мира, которым могут жить различные живые существа, включая человека, такие понятия, как «жизненный мир», «бытие-друг-с-другом», «Umwelt», «хронотоп». Для лучшего понимания времени-пространства социальности мы используем термин «топологема», а, например, не «хронотоп», делая при этом акцент на интересующей нас пространственности (топос), которая собирается (легейн) во время человеческих взаимодействий или взаимодействия (социации) различных «жизненных миров». Понятие «топологема» мы ввели в 2000 г., а понятие «бытие-в-коммуникации» – в 2017 г. Мы исходим из следующего соображения в отношении онтологии события. «Онтология со-бытия, – по Ж.-Л. Нанси, – это онтология тел, всех тел, живых, неживых, говорящих, мыслящих, имеющих вес» [5, с. 133]. «Тело» в первую очередь обозначает то, что находится во вне, рядом, как наружу, напротив, с (другим) телом, и, наконец, как в дис-позиции с другим телом. Любо тело «как сам, от себя к себе: из камня, из дерева, или из плоти, тело является разделением и отправной точкой от себя, к себе, рядом-с-собой» [5, с. 133]. И тогда язык являет собой и выставляет напоказ единичную множественность и в нем сущее целиком задается как смысл, то есть как такое разделение, в соответствии с которым все сущие оказываются связанными с другими сущими. «Языка» как такового не существует, но есть множественность языков, голосов и речевых актов, то есть существует некая изначальность разделения голосов. В языке человек не является первоисточником мира или его целью. Через человека мир выставляет себя напоказ со всем своим «бытием-в-месте-со-всем-сущим» в мире. Нанси подчеркивает: «Недостаточно сказать, что „роза растет без причины“». Поскольку если бы розу представить себе одной, ее беспричинный рост замкнул бы на себе, любую причину мира. Но роза произрастает без причины, потому что она растет вместе с другими растениями, а также с кристаллами, морскими коньками, человеком, и его творениями. И все множественное сущее, природа и история не составляют совокупности, целостность которой была бы или не была беспричинной» [5, с. 135]. Целое сущего, как множественного сущего, и есть ее причина, ее действительный смысл.

Бытие выставляется в качестве некоего «между» или как некое «с» единичностей. И язык, по своей сути, осуществляется в этом не-

примечательном «с», связующим в нем единичные сущие. Нанси отмечает, что «с» не является ни основанием, ни его отсутствием, оно является его нетелесным со-бытием «с» бытием-телесным как таковым. Прежде того, как стать словом или обнаружиться в полноте языка, «язык» является расширением «с», поскольку он является продолжением тела, его способностью прикасаться к другому телу, являясь о-пределением тела. В человеческой «речи» постоянно имеет место следующий способ проговаривания, как «говорить с», «жить с» или «спать с» – это возможности различно вы-сказать бытие как коммуникацию. «„Язык“ – заключает Нанси, – это не инструмент коммуникации, и коммуникация не инструмент для бытия, но, совершенно точно, коммуникация *есть* бытие, и бытие, следовательно, *есть* лишь то нетелесное, в котором тела заявляют о себе друг другу как таковые» [5, с. 145]. В этой связи мы вводим такое понятие как бытие-в-коммуникации.

Подчеркнем, что под коммуникацией нами понимается со-бытие взаимодействия в онтологической парадигме; взаимодействие, которое в дальнейшем мы свяжем с таким направлением как «энактивизм», в основе которого лежит телесная динамика с «репрезентацией – в – действии». Какая же онтология/топология стоит за так понимаемой коммуникацией? Мы ее формулируем следующим образом: Быть – это значит со-быть с другими в различении и разграничении, быть в сообщении с ними, достигая согласованности и взаимопонимания, совершая собрание вместе, воспроизводясь в качестве совместности (сообщества) определенным временем-пространством. Здесь знак – это сигнал (в случае с живыми существами) и/или символ (в случае с людьми) предполагающие: а) разграничение и разметку взаимодействующих сторон (людей); б) достижение согласованности (понимания); в) воспроизведение в качестве согласованных телесностях («жизненных мирах» и обществах).

В настоящий момент возобновился интерес к работам такого мыслителя, как Якоба фон Иксюля [4, с. 30–44]. Его исследования существенным образом пополняют картину социальной топологии. В самом начале XX столетия он вводит понятие Umwelt (окружающий мир), и основывает зоосемиотику и биосемиотику. Согласно ученому, у животных и человека, есть «окружающий мир» (в нашей терминологии «топологема») – где осуществляется отбор значимого

и ценного; а также совершается извлечение смыслов. В «окружающих мирах» обитают различные организмы (бабочки, клещи, муравьи), которые живут в разных жизненных и когнитивных мирах. При таком подходе имеется исходный пункт для развития целого ряда эпистемологических представлений, познания через активности, действие, телесное восприятие, телесное конструирование в ходе познания. Все это дало развитие такому интересному направлению как энактивизм – имеющего в виду телесную активность и репрезентацию-в-действии – предполагающего в себе основание для натуралистического понимания сознательного опыта.

Думается, новая онтология социальности М. Деланды, также оказывается, с нашей точки зрения, существенным дополнительным звеном социально-топологического подхода. Классическая схема социальности предусматривает трехчастную форму: традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество. Социальная топология же исходит от индивидуальных отношений до сложных социальных конфигураций типа институтов или городов. Причем, индивидуальные отношения предполагают взаимодействие тел, то есть тел, которые находятся, говоря языком Нанси, в положении противопоставленности и прикосновения. Других я могу познавать всегда только в качестве телесностей. Другие – это тела потому, что у них такой-то цвет кожи, такой-то нос или такой-то вес или запах, такие-то навыки и умения. Противопоставленности содержатся в самом приходе другого, в котором мы обретаем «свое». В этом обнаруживается своя топология – от телесностей к местностям и совместностям. Предлагая «восходящую онтологию» М. Деланда отмечает, что в случае такой методологии появление институтов объясняется взаимодействием индивидов, принимающих решения, возникновение городских структур – взаимодействиями институтов, возникновение государств – взаимодействием городов. И как только новое целое возникает, оно незамедлительно начинает воздействовать на их составляющие, являвшиеся ему субстратом, ограничивая их первичные взаимодействия или способствуя рождению новых. Именно отсюда следует промышленная Деландой схема социальности «индивиды – институты – города – государства», которую мы дополняем целостностью дома [3, с. 45]. Согласно нашему представлению, без дома в пределе не могут иметь место ни взаимодействия индивидов, ни те или иные общественные институции.

Потому схема социального множества имеет соответствующий вид: «индивиды – дома – институты – города – государства».

И, напоследок, заметим, что энактивизм может явиться важнейшим дополнением социальной топологии [2]. Энактивизм (англ. *enactivism*) – связка теорий сознания, сформировавшаяся в рамках когнитивной науки и противопоставляющая себя современной аналитической философии сознания. Как отмечает А. Ноэ, это знание является знанием-как, а не пропозициональным знанием-что. Энактивизм – это имплицитное практическое знание того, как в результате разнообразных способов движения изменяются сенсорные стимулы. Бытийствуя имплицитным практическим знанием, оно по существу является разного рода телесным навыком. Эти телесные навыки связаны с таким дарованием телесного существа как самодвижение. При этом движении существ соотносится со способностью каким-то образом самих себя воспринимать. Ноэ отрицает то, что «восприятие является процессом в мозге, где перцептивная система конструирует внутренние репрезентации мира» [1, р. 2]. По Ноэ, восприятие является в целом телесной активностью всего живого существа. Это соображение Ноэ иллюстрирует следующим образом. В городе можно ориентироваться двумя существующими способами. Так, например, вам нужно достичь центра города, где возвышается башня, при этом вы можете использовать карту, отражающую содержание города. Но до центра можно добраться другим способом – продвигаясь по улицам города так, чтобы шпиль башни всегда был виден вам. Тогда ваше движение будет формироваться самим городом и вашей сенсорно-моторной способностью двигаться так, чтобы вы при этом могли получать больше доступа к сенсорному стимулу, даваемому башней. Подобного рода отношения реляционные. Определенно, они зависят от взаимодействия между воспринимаемым объектом и телом воспринимающего субъекта. По мнению Ноэ, ментальные состояния не являются внутренними символическими состояниями мозга, а являются репрезентациями-в-действии всего живого организма, действенным образом включенного в окружающую среду. Представляясь натуралистическим, его подход, между тем, избегает крайностей редукционизма функционалистских и физикалистских подходов, против которых направляются соображения анти-репрезентационистов. Нам представляется, что содержание восприятия, которое показывает энактивизм, является действительной особенно-

стью взаимодействия организма и мира. Все это делает сенсорно-моторный энактивизм действительным подходом для натуралистического решения проблемы сознания. Сознанию требуется совместное взаимодействие тела, мозга и мира.

Литература

1. Noe A. Action in Perception. Cambridge (MA): MIT Press, 2004. P. 2.
2. Varela F., Thompson J. E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
3. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. Новые онтологии. Т. 27. 2017. № 3. С. 45
4. Князева Е. Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Икскюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–44.
5. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004.